

УДК 7.01+37.013.73

Дегг Э. Б.,
экскурсовод,*Государственное автономное учреждение дополнительного
профессионального образования Ростовской области
«Институт развития образования»***Истоки, структурные и содержательные особенности византийской модели
образования – пайдейи****DOI: 10.33979/2587-7534-2025-1-139-148**

Статья посвящена вопросу воспитания и образования человеческой личности в Византийской Империи. В центре исследования важнейшее явление античной культуры, унаследованное византийцами, – «Пайдейя» (παιδεία) – то есть дословно с древнегреческого языка «воспитание», «образование». Цель работы – при помощи структурного и компаративистского методов проанализировать византийскую пайдейю как новый этап развития античной воспитательно-образовательной системы, выявить её существенные отличия, а также рассмотреть степень влияния христианства на пайдейю и понять ценностное значение идеалов просвещения, гуманизма для византийских интеллектуалов. Исследование опирается на важный научный задел в области античного образования, созданного немецким филологом Вернером Йегером, а также на уже ставшие классическими в отечественной византологии исследовательские изыскания в области византийского образования и интеллектуальной жизни, сделанные З. Самодуровой и С. Гуковой.

Ключевые слова: *пайдейя, византийская пайдейя, интеллектуальная культура, Античность, Средневековье, образование, византийский гуманизм, В. Йегер.*

Degg A. B.,
guide,*State Autonomous Institution
of Further Professional Education of the Rostov Region
«Institute of Education Development»***Origins, structural and substantive features of the Byzantine model of education
– paideia**

The article is devoted to the issue of upbringing and education of the human personality in the Byzantine Empire. The study focuses on the most important phenomenon of ancient culture, inherited by the Byzantines – «Paideia» (παιδεία) -

that is, literally from the ancient Greek language means «upbringing», «education». Paideia is in the center of the article, the purpose of which is to analyze the Byzantine paideia as a new stage in the development of the ancient educational system. To do so there are several tasks: to identify its significant differences; to consider the degree of influence of Christianity on paideia; to understand the value of the ideals of enlightenment, humanism for Byzantine intellectuals. To reach the purpose of the article the structural and comparative methods were used. The study is based on the important scientific groundwork in the field of ancient education created by the German philologist Werner Jaeger, as well as on the research studies in the field of Byzantine education and intellectual life carried out by Z. Samodurova and S. Gukova, which have already become classics in Russian Byzantine studies.

Keywords: *Paideia, Byzantine paideia, intellectual culture, Antiquity, Middle Ages, education, Byzantine humanism, W. Jaeger.*

Введение

В нашем исследовании мы хотели бы затронуть тему интеллектуальной культуры в Византийской Империи, а точнее того, как технологически в этом государстве воспроизводилось (по средневековым меркам) большое количество образованных людей, как минимум, среди «высших» и управленческих кругов. Византия на зависть окружающему миру действительно представляла собой в культурном отношении очень развитую державу, что стало возможно благодаря успешно пережитом кризису конца Античности и начала Средневековья. В каком-то смысле, здесь был порождён оксюморон того, как может выглядеть «средневековая Античность». Византия вообще является «сгустком» подобных оксюморонов и противоречий.

Поддержание существования античного наследия, его перипетии в условиях средневекового христианского мировоззрения тому большой пример. Возможно, это было благодаря уже хорошо известной «формуле» византийской цивилизации, сочетающей в себе старую римскую государственность, новую христианскую веру и, как раз, то самое, античное греко-римское наследие, по своему культурному характеру сугубо греческое и шире, эллинистическое, синкретическое.

Собственно, «героиня» нашего исследования, объект – пайдейя – один из ярких элементов этой греко-эллинистической культуры. Дословно с древнегреческого языка παιδεία – это воспитание детей, молодёжи, а концептуально, сложная поэтапная система образования. Несмотря на кажущуюся важность образования, «образованности» для современного человека и для современного государства, что только не придумывающего в данной области для формирования избыточной и не очень «конкурентоспособности», такая древняя и проверенная система как пайдейя, а точнее её философско-антропологический и аксиологический базис, остается без внимания.

Но всё-таки современной актуализации, прежде всего научной в данной проблеме, мы обязаны такому выдающемуся немецкому учёному, филологу, как Вернер Йегер, хотя его имя отнюдь не пользуется широкой популярностью даже в научных кругах. Именно Йегер комплексно рассмотрел пайдейю как культурное и технологическое явление от его архетипических истоков в гомеровскую эпоху до поздней Античности.

Бесспорно, в недрах греческой Античности рождается тот неповторимый индивидуалистический дух, который стал образцом, образом совершенного человека как в физическом, так и в духовном плане для греков. Йегер отмечал, что «Однако «человек как идея» означает «человек как общезначимый и обязывающий образец своего вида». Отпечаток сообщества, накладываемый на отдельное лицо, который мы поняли как сущность воспитания, исходит у греков — все более осознанно — из такого образа человека и в непрестанной борьбе ведет к философскому обоснованию и углублению проблемы воспитания. С такой основательностью и целесообразностью это не достигалось нигде более» [Йегер, 2001: 23].

Важно также и замечание французского учёного Анри-Ирене Марру: «Интересно отметить, что, когда Варрону и Цицерону придется переводить слово παιδεία, они выберут humanitas как латинский эквивалент» [Марру, 1998:142]. То есть, когда мы говорим о малоизвестном греческом термине, на самом деле он нам прекрасно известен под своей латинской маской – *гуманизм*. Гуманизм, в конкретном узком смысле – *всесторонняя образованность*, осознание ценностей просвещения, интеллектуальной жизни.

К сожалению, в наших концептуальных рамках мы не имеем возможности детально раскрыть культурологические особенности Древней Греции и, соответственно, философских, социокультурных истоков пайдейи, мы сделали это обстоятельно в нашем предыдущем исследовании [Дегг, 2022: 51-63]. Лишь отметим, что покоится пайдейя на таких важнейших философских понятиях, как агон, (ἀγών) – состязательность (агональность), калокагатия (καλὸς κάγαθός) – душевная и телесная гармония человека, арете (ἀρετή) – чувство собственного духовного благородства.

Технологически, как древнегреческая пайдейя, так и её византийская наследница представляют собой афинскую школу, более мусическую (μουσικός) по своей направленности, нежели её прямая конкурентка – воинственная и прагматичная спартанская школа. Главным в пайдейе являлись последовательные ступени образования: 1) внутри семьи; 2) начальное и среднее мусическое и гимнастическое образование; 3) старшая школа с равным сочетанием умственной и физической подготовки; 4) эфебия – военная школа и позже, интеллектуальный «предуниверситет»; 5) академия – высшее философское образование, равнозначно Университету.

Нельзя обойти стороной такую важную тему, как просвещенческий кризис VII–IX веков, угрожавший уничтожению пайдейи. Он был преодолен эллинофильскими, гуманистическими кругами Византии, что фиксирует авторитетнейший французский византолог Поль Лемерль: ««...византийские

гуманисты XIII-XIV столетий, стоявшие у истоков западного Возрождения, пользовались рукописями античных авторов, переписанными в Византии в IX-X веках, и они ничего не смогли бы сделать, если бы за несколько столетий до них ученые предки «не собирали бы страстно, не спасли бы и не истолковали то, что сохранилось от наследия древней Греции» [Лемерль, 2017: ix – x.].

Данное умозаключение фиксирует, действительно, решающий момент в истории уже византийской пайдеи, принявшей гуманистическую «эстафету» от своей греко-римской предшественницы. А христианское Средневековье вносит в неё свои символические корректировки.

Наконец, разобравшись со всеми оговорками и вводными данными, мы сконцентрируемся сугубо на теории и технологии – модели Βυζαντινὴ παιδεία.

Византийская модель образования

Педагогическая система Византии выглядела следующим образом. Идеал, который ей необходимо достичь, – это образованный человек в мусическом смысле, познавший не только «внешние», светские науки, но и «внутреннюю», «духовную» науку. Под последней, естественно, имелось в виду богословие, теология – «Пайдейя Христа». Истинно умудрённый человек тот, кто не только может процитировать «Илиаду», но и не менее уверено продекламировать строчки из «Послания к римлянам».

Исходя из этой всепроникающей установки христианского логоса, формируется и содержательная сторона просвещения. Далее мы рассмотрим этапы византийской образовательной модели.

1) 1-7 лет – *воспитание внутри семьи*. Здесь было возможно первичное ознакомление с элементами как светского, так и церковного образования по желанию родителей. Как и в древнегреческой пайдейе, здесь воспитание и образование находится несколько в «тени» произвольных пожеланий родителей, без формализма и институализированности последующих этапов. В античную эпоху акцент мог делаться на усвоении смыслов и образов гомеровской героики с целью формирования первичных, базовых элементов греческой этнокультурной идентичности и патриотизма в форме, соответствующей возрасту, как сейчас мы это представляем в виде сказок. В византийскую эпоху, в целом, этот неформальный подход сохраняется, как и «дидактический материал» эпосов. Однако святоотеческая традиция по сравнению с античным периодом имеет особое отношение к семье, как к «сакральному» и интимному месту и периоду в жизни христианского человека, позволяющему сформировать в личности базовые духовные установки, которые помогут ему в дальнейшей жизни избегать совершения грехов. То есть главное здесь – усвоение базовых морально-этических установок христианского гуманизма. Добавляется изучение Священного Писания и Предания в элементарных формах, с возможностью проявления родителями своей творческой индивидуальности в воспитании. Тем не менее, святоотеческие предписания сохраняли за собой один из важнейших христианский принципов – свобода воли, поэтому-то воспитание и образование здесь остаётся сугубо на совести родителей («что посеешь, то и пожнёшь») – то есть это и их родительская ответственность перед Богом за детей, и

одновременно возможность проявить себя как педагога. И что ещё очень важно, воспитание должно быть подкреплено и словом, и собственным родительским примером (образом жизни в христианском духе) – то, что не может в большинстве случаев дать формальная школа. Именно тогда, по такой формуле Иоанна Златоуста, удастся достичь полного успеха в задаче образцового воспитания [Попов, 2009: 12]. Функционально-методологически же принципиально ничего нового на данном этапе не появляется, однако христианская пайдейя постулирует особую ценность, важность этого периода в жизни человека.

2) Примерно 6-9 лет – начальное образование в так называемой *элементарной школе* – логичное, наиболее близкое и «плавное» по своему переходу, продолжение семейного образования. В том числе, в аспекте наполнения схожими навыками и содержанием программы. Именно этим этапом и ограничивалось получение образования для большинства византийцев. Здесь, как и на следующих этапах, мы обнаруживаем уже знакомую программу обучения по афинско-эллинистической модели. Обучение заканчивалось освоением навыков письма и чтения, пения, осуществлялось первичное знакомство со светской и религиозной литературой. Так как внимание здесь уделялось, в первую очередь, чтению и письму, то можно было бы эту школу назвать *«школой орфографа»*. Этот «орфограф», учитель, именовался по старой традиции педагогом или дидаскалом.

3) Примерно 10-12 лет – обучение в *грамматической школе*. Здесь продолжалось усвоение норм языка, программа носила более утончённый «филологический» характер. Помимо механического закрепления грамматического материала, делался акцент и на освоении эстетической составляющей. Как отмечает отечественный византолог Зинаида Самодурова, «Преподаватели стремились достичь «полной эллинизации ума и речи учащихся» с тем, чтобы защитить классический греческий от посягательств народного языка. Знание аттического диалекта и умение говорить на нём византийцы высоко ценили. Особую хвалу у них вызывали те, кто овладевал данным искусством» [Культура Византии, 1984: 482]. Уже на данном этапе, всего лишь втором, чувствовалась подготовка с некоторыми «претензиями» на высокий статус. Пожалуй, тут уже проявляется старое эллинистическое «арете», брезгующее варварскими повадками. Более глубокое внимание уделялось историко-литературной части, где неизменный Гомер и другие древние выступали и как дидактический материал, и как воспитательный, патриотический. Методологией выступали святоотеческие «пособия» и священные тексты, греко-латинские словари, и, конечно, Псалтырь – данный набор текстов завоёвывает прочное место в византийской пайдейе уже в средневизантийский период, вытесняя языческую героику и сатиру.

4) Примерно 16-17 лет – обучение в *риторической школе*. В старой эллинистической системе эта школа занимала бы место эфебии, сильно тяготевшей к мусическому заведению и подготавливавшей к академии. То же самое мы видим и у риторической школы: она готовит своими сложными

курсами умы учеников к высшему этапу обучения в светской системе. Во всей литературно-риторической программе отчётливо виден аттический эпигонизм. Здесь до совершенства оттачивались навыки старого письма и речи, заучивались античные и церковные тексты. Особое внимание уделялось методу схолии, сочинительству, логике и аргументации. Дидактикой, опять же, служили античные и церковные тексты. З. Самодурова отмечает, что «Риторика, «высшее, совершеннейшее и благороднейшее, по мнению византийцев, искусство, была одним из важнейших факторов образования. В ней видели средство для развития духовной жизни, для усовершенствования личности» [Культура Византии, 1984: 485].

5) Примерно начиная с 18 лет – обучение в *философской школе*. Это и есть высшая ступень образования, которая была рождена с появлением ещё аттических академий и традиций, развитых, в свою очередь, в эпоху эллинизма. Если говорить в целом, то вся программная и идейная база в византийской философской школе остаётся прежней. Отношение к философии оставалось неизменным, её «...рассматривали как «науку наук», «искусство искусств» и называли знанием. Содержание ее было всеобъемлющим и включало познание мира, человека и божества. Ее они считали вершиной внешней мудрости, душой общего, так называемого свободного образования, высшим объединённым знанием о «подлинно сущем» [Культура Византии, 1984: 487]. Курсы и предметы были очень содержательными и разносторонними – реализовывался принцип «эн-кикрос-пайдейу» (3+4), то, что нам более известно как «*septem artēs liberālēs*», или более распространённые «*trivium*» и «*quadrivium*» в латинском изводе, сформулированном Марцианом Капеллой [Каппела, 2017]. Изучалась как «предступень» к философии логика, в русле теории аргументации, софистики, «ментальных» упражнений. Накопленное знание и прошедшее время позволили изучать философию в ретроспективном ключе, обращаясь к истории философии, где рассматривались все философы аттики и эллинизма. Методологической базой также выступали наработки древних. Схоластический характер обучения был сильно заметен, так как основным методом выступало запоминание материала, со способностью его декламации, комментирования. Особый упор в высшем заведении делался на лекцию, собеседование (семинар), дискуссию как форму подачи материала: «Метод вопросов и ответов играл существенную роль в процессе преподавания» [Культура Византии, 1984: 495]. Познание философии как «царицы наук» отражалось и на других предметах, где раскрывалось её отношение к ним, а также разъяснялся теоретико-понятийный аппарат. При этом высшее образование по факту делилось на две ступени: изучался тривиум, и лишь при желании, возможности, затем постигался квадриум. Изучение квадриума сохраняло чисто античный платоновско-аристотелевский стиль, в котором «точным» наукам отводилась важная, но всё же пропедевтическая функция, которая позволяла бы придать пайдейическому человеку законченный, стройный образ мышления, выходить на предельный абстрактный уровень. Здесь отводилось внимание математическим и

естественнонаучным дисциплинам, например, таким как арифметика, геометрия, астрономия, музыка, биология, география, медицина.

б) Заключительный этап византийской пайдеи – это *богословие*. Чёткой привязки к возрасту данный этап не имел, как и в целом, формальных рамок. Но, понятно, что данный уровень образования постигался уже взрослым человеком и своей предельной границы также не имел – теологии посвящалась уже вся оставшаяся сознательная интеллектуальная жизнь человека, в сочетании со светскими науками. Если человек достиг данного уровня, как и философского, то это означало его либо обеспеченное происхождение, либо церковную «профессиональную ориентацию», либо, что бывало гораздо реже, большое упорство и желание постичь все уровни пайдеи в подлинно христианском ключе, заодно завоевав лучшее социальное положение. Хотя, конечно, достижение и, самое главное, *постижение* последних двух уровней средневековой пайдеи объективно свидетельствовало именно об упорстве и об интеллектуальных способностях человека, независимо от социально-экономического происхождения, так как далеко не каждый мог осилить требуемую программу. Важная характеристика византийской пайдеи в целом – это сохранение прежнего светского характера обучения с чётким разграничением с «духовными науками». Однако не менее устойчивым считалось требование познания образованным человеком теологии. «Светская наука даже для тех, кто старательно штудировал труды грекоримских мыслителей, была лишь служанкой божественной мудрости. Они разделяли античное наследие на «приемлемое» и «неприемлемое» для христианина. По образному выражению Михаила Пселла, первое они «принимали как пищу», а последнее «выплевывали как яд» [Культура Византии, 1989: 383]. По примеру Михаила Пселла и независимо от него, большое количество светских интеллектуалов считало своим долгом познать христианский логос, не очаровываясь эллинскими образами и мифами. Церковные интеллектуалы придерживались такой же точки зрения, о чём свидетельствует сохранение элементов светского тривиума и квадриума, по сути, в параллельно созданной в Византии «церковной пайдеи». Вершиной этой параллельной структуры на определённом этапе византийской истории был «церковный ответ» на светский Университет Константинополя – Патриаршая Академия. Нетрудно догадаться, что как в светском варианте изучения теологии, так и в церковном, изучалось Священное Писание, Священное Предание. В Византии особо выделялось, по понятным причинам, изучение текстов Восточных Отцов, Псалтырь (её толкование), гимнография и агиография. Но главным отличием изучения христианского компонента знания на данной ступени пайдеи была не пропедевтическая функция элементарного уровня, а подлинное, глубокое философско-религиозное познание христианского вероучения. Такое познание часто в византийской церковно-интеллектуальной истории давало не просто «прилежных учеников», но и новых «творцов» религиозной культуры, обогащавших Священное Предание: например, гимнограф Кассия

Константинопольская, Феодор Студит, Константинопольский Патриарх Фотий I, Григорий Палама и многие другие.

Как мы видим, явление высшего образования в византийскую эпоху формирует *двуединство* философии и теологии. Однако есть ещё более «расширенная» типологизация византийской высшей школы на разных исторических этапах (примеры явлений упомянуты нами выше), представленная современным отечественным исследователем византийской образованности, священником Игорем Ивановым: риторическая, философская, естественная школы, государственная и церковная высшие школы, театроны: кружки-салоны, монастырская школа [Теология образования в христианской парадигме, 2023: 148-149]. Действительно (несмотря на возможные незначительные методологические разночтения в вопросе определения типов школ), по совокупности идейно-содержательных, социальных, формальных и неформальных признаков, все указанные школы можно отнести как к «высшим», так и, как минимум, к «тяготеющим» к ним.

Аристократия духа

Именно познание философско-христианского логоса давало человеку право называться подлинно образованным человеком, энциклопедистом, то есть познавшим «ἐνκύκλιος παιδεία». Правда, теперь она представляла собой «Пайдейю Христа», а не земного благородного, но всё так же смертного человека. Как мы видим, хорошо знакомые современному человеку слова «энциклопедия», производные «энциклопедист», «энциклопедизм», стереотипно имеющие нововременную ассоциацию, при ближайшем рассмотрении открывают нам свою подлинную, оригинальную античную форму, содержание и её естественное средневековое продолжение на эллинском Востоке.

Средневековый же грек-интеллектуал получал всевозможные почести, уважение, вожделенное «византийское арете» – чувство принадлежности к «лучшим из лучших», своеобразному аналогу немецкой нововременной философской концепции «аристократии духа» (*Geistes Aristokratismus*) за авторством Хенрика Стефенса (популяризированной Саулом Ашером) [Ascher, 1819], как внутри византийской ойкумены, так и, тем более, за её пределами. И главное, получалась возможность войти в историю византийского энциклопедизма, что также часто называют византийским гуманизмом. Впрочем, соотношение этих двух понятий, и, особенно, правомерность использования второго является предметом уже довольно давней, но отнюдь не утихающей до сих пор дискуссии, как в аспекте «византийского гуманизма», например: уже классическая работа [Медведев, 1997: 7-14, 110-126, 205-216], свежее, актуальное исследование [Каприев, 2022: 534-555], так и в целом, гуманизма христианского, средневекового [Re-Envisioning Christian Humanism, 2016]. И, всё же, вспоминая Цицерона, то есть античное (но при этом, что очень важно, не греческое!) восприятие проблемы, *παιδεία* — это *humanitas*.

Заключение

Таким образом, в нашем исследовании вопроса византийской образовательной системы можно сделать некоторые промежуточные выводы.

Безусловно, проанализировав генезис византийской модели, можно смело заявить о её непрерывной связи с античной пайдейей. Это касается как институционально-технологического преемства, так и идейного. Однако именно идейная составляющая подверглась христианской редакции, носившей при этом весьма ограниченный характер. В этом проявляется двойственность византийской пайдейей — сочетание языческого эллинизма, его эпигонства и авраамической религии, что является всего лишь частной проекцией в целом дуализма византийской культуры. Мирная гармония, впрочем, сменялась и спорадическими конфликтами этих двух компонентов, что мы можем подтвердить и в нашем пайдейейском срезе — ожесточённые дискуссии выпускников византийских высших школ — паламитов с варлаамитами, аристотелизма (приверженцы Георгия Схолария) и неоплатонизма (приверженцы Гемиста Плифона).

Существенным отличием византийской пайдейей от древнегреческой стала её абсолютно мусическая направленность, изъятие всего физического компонента воспитания в соответствии со средневековым отторжением человеческой телесности. Важно также отметить и преобладание гуманитарного характера византийской пайдейей над «техническим», естественнонаучным элементом, что отмечает выдающийся греческий византист Василий Татакис [Иванов, 2018; Татакис, 1952].

Также резюмируем этапы византийской пайдейей: 1) *воспитание в семье*; 2) *элементарная/орфографическая школа*; 3) *грамматическая школа*; 4) *риторическая школа*; 5) *философская школа*; 6) *богословская школа*. Стандартная система была сформирована в эпоху эллинизма, включая первые пять этапов, но в ней появляется ещё и шестой этап – теологическая надстройка. *1 этап значительно переосмысливается с этической точки зрения* – новое особое, трепетное отношение христианства именно к дошкольному родительскому воспитанию, что обосновывается христианской догматикой, без добавления каких-либо принципиальных технологических новшеств.

Несмотря на появление «подчиняющей» и теперь смыслообразующей теологической надстройки, византийская пайдейей на протяжении всего своего миллениума сохраняет чёткое разделение на светскую часть и религиозную, что одобряется и церковными кругами, создающими также и свои альтернативные «профессиональные» монастырские школы и академии, покоящиеся при этом, на светских тривиуме и квадриуме.

Главное же свидетельство эффективности византийской модели заключается в стабильном и неуклонном воспитании, даже в самые тяжелые периоды истории Византии, большого числа именитых интеллектуалов. Список этот крайне насыщенный. Именно эти люди, «аристократы византийского духа», и определяли уже в собственных дискуссиях, каков же он византийский идеал просвещённости. Это, впрочем, является предметом отдельного разговора.

Список литературы

Дегг, 2022 – *Дегг Э. Б.* Пайдейя – характерные особенности и эволюция античной системы образования // Южный Полюс. Исследования по истории западной философии. 2022. № 8. С. 51-63. URL: <https://southpole.sfedu.ru/assets/volumes/vol-8-content/Degg.pdf> (дата обращения: 05.08.2024).

Иванов, 2018 – *Иванов И. А.* Профессор Василий Татакис о византийской пайдейе // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1. С. 195-207. URL: <https://scientific-journals-spbd.a.ru/f/tkb-01-02-2018.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).

Йегер, 2001 – *Йегер В.* Пайдейя. Воспитание античного грека. Том 1. М., Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001. 594 с.

Капелла 2019 – *Капелла М.* Бракосочетание Филологии и Меркурия. М.; СПб., Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф, 2019. 400 с.

Каприев, 2022 – *Каприев Г.* Византийская философия. Четыре центра синтеза / Пер. с болг. Г.В. Вдовиной; науч. ред. Д.В. Зайцев, Н.Е. Новиков, Ю.И. Посашко. СПб., Изд-во СПбДА, 2022. 704 с.

Культура Византии , 1984 – *Культура Византии. IV - первая половина VII в.* / Отв. ред. З.В. Удальцова. М., Наука, 1984. 728 с.

Культура Византии, 1980 – *Культура Византии. Вторая половина VII - XII в.* / Отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. М., Наука, 1989. 680 с.

Лемерль, 2017 – *Лемерль П.* Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века / Вступ. ст. и пер. с франц. Т. А. Сениной (монахини Кассии). – Изд. 2-е, исправленное. СПб., Издательский проект «Квадривиум», 2017. 482 с.

Марру, 1998 – *Марру А.-И.* История воспитания в античности (Греция) / Перевод с французского А. И. Любжина, М. А. Сокольской, А. В. Пахомовой. М., Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998. 425 с.

Медведев, 1997 – *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV-XV вв. СПб., Алетейя, 1997. 340 с.

Попов, 2009 – *Попов В. И.* Учение св. Иоанна Златоуста о воспитании детей. СПб., Аксион эстин, 2009. 17 с. URL: <https://cloud.mail.ru/public/82Ru/WZ9guGfkF> (дата обращения: 29.08.2024).

Теология образования, 2023 – *Теология образования в христианской парадигме / под общей редакцией проф. Д. В. Шмониной.* СПб., Изд-во СПбДА, 2023. 480 с.

Ascher, 1819 – *Ascher S.* Der deutsche Geistesaristokratismus: Ein Beitrag zur Charakteristik des zeitigen politischen Geistes in Deutschland. Leipzig, 1819. 69 S. URL: https://epub.ub.uni-muenchen.de/17093/1/8Hist.3250_9_2.pdf (дата обращения: 24.08.2024).

Re-Envisioning Christian Humanism, 2016 – *Re-Envisioning Christian Humanism: Education and the Restoration of Humanity / Ed. J. Zimmerman,* Oxford University Press. Oxford, 2016. 291 p. URL: https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9780191084447_A30390164/preview-9780191084447_A30390164.pdf (дата обращения: 15.08.2024).

Татакѳ, 1952 – *Татакѳ В.* Θεματα χριστιανικѳς και Βυζαντινѳς φιλοσοφѳας, Αθήνα, Αποστολικѳς Διακονѳας τις Εκκλѳσιας τις Ελλαδος, 1952. 208 σ.